

Наталья
Александрова

ЛАМПА
ПАЛАДИНА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.
А46 Лампа паладина : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-221644-2

Благородный рыцарь Ги Де Кортине во время своего путешествия находит удивительную лампу, которая, по легенде, принадлежала великому царю Соломону. Благодаря чудесному артефакту рыцарь выживает в самых тяжелых ситуациях. Однако за волшебной лампой охотятся загадочные люди.

В наше время Марианна случайно находит старинную, на первый взгляд бесполезную закопченную лампу. Она не догадывается, что в ее руках магический предмет, который позволит ей избежать смерти и спасти людей. Но о мистических свойствах уже прознал какой-то незнакомец и начал преследовать девушку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221644-2

— Поймай, молодая-красивая!

Я очнулась оттого, что в мой локоть вцепилась дородная цыганка в пестрой шали. Сверкая золотым зубом, она сыпала словами:

— Богатая будешь, счастливая будешь, мужа найдешь красивого! Только позолоти мне ручку, все у тебя будет!

Я попыталась вырваться — но она держала крепко, как бультерьер.

Ну что это такое!

Я оглянулась. Вокруг текла толпа, человеческая река. Все спешили по своим делам, и никому не было до меня дела. Ну почему эта цыганка выбрала именно меня? Вон вокруг сколько людей, мужчин и женщин! Чтобы ей золотить руку. А мне нечем! Поищите другую дуру!

— Зря ты так говоришь! — обиженным голосом пробасила цыганка. — Нехорошо меня обманывать! Есть у тебя деньги, посмотри! — И она хозяйским жестом расстегнула мою сумку.

— Да что же это такое! — вскрикнула я, пытаясь защитит сумку и в то же время прижимая локтем пакет с вазой. — Помогите кто-нибудь!

Никто меня не слышал, а цыганка уже запустила руку в сумку и вытащила оттуда монету. Странную монету, которой там не было, которую я никогда прежде не видела.

— Как же ты говоришь, что у тебя нет денег, когда вот же у тебя, целая тетрадрахма!

Она продемонстрировала мне монету — на ней был выбит какой-то бородатый мужчина в шлеме с гребнем, а вокруг змеились незнакомые буквы.

— Тетрадрахма византийского императора Алексея Ангела! — значительным тоном сообщила цыганка.

Это было какое-то безумие. Я уже перестала понимать, на каком свете нахожусь.

— Я эту монету себе возьму! — удовлетворенно провозгласила цыганка и опустила монету в бездонный карман.

И тут же отпустила меня.

И растворилась в толпе, как будто ее никогда и не было.

Я перевела дыхание.

Кажется, все закончилось относительно благополучно. Пакет со злополучной вазой (уникальная, ручной работы) я прижимала

к груди. Денег цыганка у меня не вытянула по простой причине — их у меня не было.

У этих цыганок глаз наметанный, сразу небось поняла, что кошелек пустой. А та странная монета?

Да я ее первый раз видела! Наверняка сама цыганка и подложила ее в мою сумку. Только вот зачем?

Я на всякий случай перебрала содержимое сумки.

Все вроде на месте — проездной билет, читательский, расческа, тюбик гигиенической помады...

Совершенно непонятная история.

А может, ничего этого и не было? Никакой цыганки, никакой старинной монеты... То есть цыганка, наверно, была, а все остальное мне показалось. Говорят же — цыганский гипноз.

Главное, ничего не рассказывать маме — иначе она снова начнет проводить со мной воспитательную работу, как она это называет...

Нужно быть внимательной и осторожной, следить за своими вещами, не разговаривать с посторонними людьми на улице, не зевать по сторонам, смотреть под ноги и так далее. Такое слышала я от нее лет с пяти и до сегодняшнего дня. Что ж, заметила мама, когда я указала ей на этот факт, если бы ты выполняла все мои инструкции, я не стала бы тебя воспитывать.

Я перехватила поудобнее тяжелый пакет с вазой и свернула в переулок, чтобы сократить путь к дому.

Лифт не работал, так что когда я поднялась на шестой этаж, то начала задыхаться. Странно, обычно я сначала заливаюсь слезами, потом кашляю со всхлипами, а уж потом задыхаюсь. То есть вы поняли, что я страдаю чем-то вроде аллергии.

Должна сказать, что аллергия, несмотря на относительную безопасность для здоровья, способна здорово испортить человеку жизнь. Ну, в смысле безопасности, я не имею в виду, конечно, отек Квинке (у меня его, слава богу, никогда не было), а от слез и насморка еще никто не умирал.

Но вместе с тем тот, кто испытал на себе чувство полной беспомощности, когда, к примеру, на собеседовании по поводу работы вместо того, чтобы отвечать на вопросы, вы начинаете судорожно сморкаться и вытирать влагу, обильно текущую из глаз, и ловите на себе брезгливые взгляды человека, сидящего напротив, и понимаете уже, что собеседование ничего не даст, что вас никуда не возьмут и в лучшем случае не станут хамить; так вот, тот, кто испытал такое, меня поймет.

У нашей двери я принюхалась. Вроде бы ничем не пахнет, мама знает все мои проблемы и старается не употреблять неизвестные приправы и не покупает новые моющие средства.

Нет, нужно немедленно взять себя в руки, сегодня очень важный вечер. То есть что это я, не то чтобы важный, а радостный для меня. Потому что сегодня я увижу Славку.

То есть Славика, Славочку, дорогого моего друга юности.

Как официально звучит — друг юности, прямо как в старых фильмах. На самом деле все проще. Мама с Ольгой Павловной, а в детстве я звала ее тетей Олей, дружили еще со школьной скамьи (вот не понимаю, при чем тут скамья, когда в школе вовсе даже парты). И, соответственно, мы со Славиком тоже общались.

То есть общались-то мы втроем — я, он и Анька. Но Анька старше нас на пять лет, поэтому все время выделялась и фыркала. Поэтому мы со Славиком подписали соглашение, в котором обязались дружить до гроба против Аньки. Она ужасно была вредная.

Анька — это моя старшая сестра, точнее единоутробная, у нас разные отцы. Моя мама два раза была замужем, но все, по ее собственному выражению, неудачно. Сейчас сестра живет отдельно с мужем, и скажу сразу, мне без нее гораздо легче. Все было бы прекрасно, если бы мама... но об этом после.

Итак, я перехватила неудобный пакет, искала в сумке ключи, и тут мама сама открыла дверь, очевидно, высмотрела меня в окно.

— Тебя только за смертью посылать! — сердито сказала она. — Жду-жду, уже все сроки прошли. Где тебя носит?

— Пробки, — вздохнула я, — весь город стоит. Народу в транспорте ужас сколько, так меня затолкали...

— Не жалуйся! — строго сказала мама. — Женщина, которая с самых первых слов начинает жаловаться, никогда ничего не достигнет в личной жизни.

Забыла сказать, что мама моя — женщина увлекающаяся. То есть сама себя она такой не считает, она думает, что она волевая, целеустремленная и решительная. Так вот, мама озабочена моим одиночеством. Как это так, говорит она, тебе почти тридцать лет, а у тебя никого нет... Да я в твои годы уже Аню родила.

Но поскольку у нее все же хватает ума не доверять интернету, то она пытается искать по знакомым. Слава богу, мама очень разборчива, так что никого подходящего не подворачивается, в противном случае я уж и не знаю что делала бы.

Знакомых у мамы, конечно, много, хоть она оставила работу и теперь на пенсии. Но до нее все же дошло, что методы, которые были актуальны в девятнадцатом веке, спустя два столетия не работают.

Ну, во-первых, я была против хождения в гости к полужнакомым людям, а также против походов в театр и на концерты. Не то чтобы я не люблю театр, но как-то это все...

Ну и, конечно, те мужчины, с которыми меня пытались знакомить... Мама называла их молодыми людьми, хотя далеко не все они были молодыми, одному, к примеру, было уже прилично за сорок. Этого пыталась пристроить

его сестра, к которой он явился жить после развода со второй женой.

Так вот, относительно нормальные мужчины, естественно, тоже были против, а те, кто соглашался, оказывались уж такими откровенными козлами, что и не описать. Несмотря на мое активное и упорное сопротивление, маме иногда удавалось меня затащить на такие, с позволения сказать, свидания не мытьем, так катаньем. Как вы понимаете, ничего из этого не вышло.

Мама, однако, не смогла реально взглянуть на вещи, то есть признать, что ничего она не добьется, и оставить дочь в покое. Нет, она решила, что дело во мне, и принялась меня воспитывать с новой силой.

Энергии у нее было хоть отбавляй, так что спастись от нее можно было только на работе. Там тоже все было непросто, но об этом после.

— Принесла? — осведомилась мама, принимая у меня из рук тяжелый пакет. — Ту самую вазу, о которой я говорила? Ничего не перепутала, как всегда?

— Сама посмотри! — Я наклонилась расшнуровать ботинки, и хорошо, что мама не видела моего лица.

Эта ваза уже мне осточертела.

Мама вбила себе в голову, что мы должны подарить ее подруге что-то оригинальное. И приглядела в одной галерее стеклянную вазу авторской ручной работы. То, что это именно ваза, она поняла только из многословных по-

яснений сотрудницы галереи. На самом деле это было что-то перекрученное, переливающееся и жутко тяжелое. И вот этакую красоту я тащила через полгорода на общественном транспорте, чуть руки не вывернула.

Мама отнесла пакет на кухню и поставила на стол. Я потащила за ней. Глядя, как она вынимает из пакета вазу, я забеспокоилась.

Дело в том, что вазу в галерее завернули в плотную коричневую бумагу и проложили внутри чем-то мягким. А то, что находилось в руках у мамы, было завернуто в газеты. Много газет, и все старые, выцветшие и кое-где даже рваные.

Душу кольнуло нехорошее предчувствие, но было уже поздно, потому что мама живо размотала газеты и ахнула.

И было отчего, поскольку вместо стеклянной вазы (авторская работа, непомерные деньги) на столе лежало что-то вроде помятого кувшина с длинным носиком. Кувшин (если это, конечно, был кувшин) был темный, грязный и, насколько я могу судить, вовсе не стеклянный, а из непонятого позеленевшего металла.

Не помню, говорила я или нет, что кроме аллергии, которая накатывает на меня в самый неподходящий момент, я тугодум. Если выразиться точнее, то я — тугодум только в экстренных ситуациях. Вот случится что-нибудь неординарное, а я, вместо того чтобы сразу среагировать, впадаю в ступор. То есть реакция в сложных ситуациях у меня плоховата.

В данный момент я, как обычно, окаменела на месте и только пялилась на эту жуть, выглядывающую из газет.

— Что это? — страшным голосом спросила мама, повернувшись ко мне всем корпусом.

И, поскольку я молчала, потому что язык прилип к гортани, мама добавила в голос децибелов:

— Что это за гадость, я тебя спрашиваю? Что ты притащила? Отвечай, не стой столбом!

Ну, можно было бы все отрицать. То есть твердить, что понятия не имею, что это, что мне завернули в той галерее, то я и принесла. Время позднее, галерея закрыта небось, да нам все равно нужно идти на день рождения. Так что разбирательство автоматически переносится на завтра, а завтра, как говорится в одном фильме, будет завтра. То есть до завтра еще нужно дожить.

Но вы не знаете мою маму. Нервы у нее гораздо крепче моих, она не купилась бы на мое отрицание и выбила бы признание минут через двадцать. Так что у меня не было шансов.

— Ты можешь внятно объяснить, что случилось? — Теперь мама стояла напротив меня и смотрела прямо в душу, и глаза ее напоминали дула пистолета.

— Цы-цыганка... — неуверенно пробормотала я, — да нет, не может быть, я же все время держала пакет крепко...

— Ты? — Тут же взвилась мама. — Да ты голову свою крепко держать не можешь! Ну какая еще цыганка?

Пришлось рассказать ей все в подробностях — как меня остановила цыганка, схватила за руку, заговорила зубы, несла какую-то чушь и зачем-то подменила пакет. Но зачем она это сделала, я не понимаю, наверно, думала, что у меня там, в пакете, что-то ценное...

— А как же! — вставила мама деревянным голосом. — Цыганки, они сразу видят, какую дуру легче всего обработать.

Вряд ли цыганка посчитала найденную в пакете вазу чем-то ценным, тут же подумала я, но благоразумно промолчала. Мама между тем набирала обороты.

— Господи! — воскликнула она, театрально воздев руки к потолку. — За какие грехи ты послал мне эту тетеху и растелепу? Ну взрослая же баба, тридцать лет скоро, а попалась в элементарную ловушку. Да про этих цыганок я, сколько себя помню, слышала, что как увидишь их — так нужно бежать, ни в какие разговоры с ними не вступать, вообще не останавливаться!

Ага, подумала я, куда бы я побежала, если вокруг толпа, а цыганка эта вцепилась в меня как клещ?

— Ну ничего, ничего нельзя доверить! — горестно причитала мама. — Ну элементарную вещь и то не может сделать! Нет, нужно было самой съездить в эту галерею.

Вот и съездила бы утром, когда народу в транспорте поменьше, и забрала бы сама эту чертову вазу, тут же подумала я, но вслух, разу-

меется, ничего не сказала, удержалась в последний момент.

Но мама, очевидно, что-то почувствовала, потому что посмотрела на меня сердито и ушла в свою комнату, хлопнув дверью, бросив напоследок, чтобы я выбросила эту гадость, потому что ей самой и прикасаться к ней противно.

Я тяжело вздохнула и подошла к столу с намерением выполнить мамин приказ. Но когда взяла в руки этот странный предмет с носиком, до меня вдруг дошло, что это лампа. Старинная медная лампа, такую в мультике про Аладдина я в детстве видела. Туда еще масло наливают... Ну, эта-то уж, наверно, светить не может по причине сверхпреклонного возраста...

Тем не менее я не стала выбрасывать лампу, а завернула ее снова в старые газеты и отнесла в свою комнату. А там засунула под диван, в самый дальний угол.

А когда вышла, то застала в прихожей маму при полном параде, она убирала в сумку красивую коробку.

— Вот, — сказала она, — все из-за тебя. Теперь придется подарить Ольге духи. Французские, еще коробка не распечатана. Мне Николай Сергеевич подарил.

— Кто такой Николай Сергеевич? — удивилась я.

— Ах, не важно, не важно! — плачущим голосом сказала мама и с грустью посмотрела на духи.

Затем повернулась ко мне и сказала:

— Имей в виду, ты никуда не пойдешь! Ты наказана!

— Mam, ну что за тон! — не выдержала я. — Мне же не пять лет, ты еще бы в угол меня поставила!

— А что мне еще остается? — вздохнула мама. — Если ты ведешь себя как пятилетний ребенок. Ну соберись быстрее, я ждать не буду.

Тут я представила, как буду носиться по квартире в поисках то одного, то другого, а мама будет подгонять меня, прохаживаясь насчет моей неловкости и неумелости. Накрашусь я кое-как, волосы не успею уложить, ведь у меня же не было целого дня, как у мамы.

В общем, платье окажется мятым и некогда будет его гладить, так что я надену брюки и шелковую блузку, от которой у меня почему-то чешется все тело. И все равно мы опоздаем, и тетя Оля, открыв нам дверь, попеняет маме вполголоса, а мама тут же все свалит на меня.

Про лампу она, конечно, не станет рассказывать, скажет, что я долго собиралась. И тетя Оля с трудом скроет удивление, увидев меня в таком виде. Ясно же, что такой прикид соорудить можно минут за десять. Но тем не менее она чмокнет меня в щеку и шепнет, что я настоящая красавица. Все это она говорит при каждой встрече, как говорят ребенку. А потом мы пойдем в комнату, где за столом будет сидеть их обычная компания немолодых лю-

дей, которые знают друг друга давно и ничего нового сказать друг другу не могут.

В сущности, может быть, им и не надо, просто встречаются, чтобы посмотреть друг на друга, но я-то тут при чем?

Ах да, Славик... Возможно, нам со Славиком удастся поговорить, хотя вряд ли. Славик вернулся в наш город недавно, и все эти дамы, несомненно, захотят его расспросить. И вообще, мы не виделись лет десять, так что хорошо бы пообщаться с ним в более спокойной обстановке.

— Знаешь... я, пожалуй, не пойду, — нерешительно начала я. — Иди без меня.

— Что-о? — изумилась мама. — Слушай, не время сейчас капризничать! Быстро собирайся, не тяни резину, — она постучала по часикам.

— Я не пойду! — твердо повторила я. — Я устала и никуда не хочу идти. Тете Оле передай от меня поздравления.

— Но что я ей скажу? — теперь мама растерялась. — Ведь она звала тебя специально, чтобы вы пообщались со Славиком...

— Скажи, что я заболела, умерла и уехала на Дальний Восток! — рявкнула я. — Все, вопрос закрыт!

Вот сама не ожидала от себя таких слов, никогда раньше я так с мамой не разговаривала. Очевидно, мама тоже удивилась и не стала меня уговаривать.

Она поджала губы, молча влезла в туфли и ушла, не сказав мне ни слова.